

из маленькой пушки; в обрыве было вырыто много стрижиных гнёзд. Мальчики засмеялись.

— Вы откуда? — спросил я их.

— Из Ласковского леса, — ответили они и рассказали, что они пионеры из соседнего города, приехали в лес на работу, вот уже три недели пилят дрова, а на реку иногда приходят купаться. Семён их перевозит на тот берег, на песок.

— Он только ворчливый, — сказал самый маленький мальчик. — Всё ему мало, всё мало. Вы его знаете?

— Знаю. Давно.

— Он хороший?

— Очень хороший.

— Только вот всё ему мало, — печально подтвердил худой мальчик в кепке. — Ничем ему не угодишь. Ругается.

Я хотел расспросить мальчиков, чего же в конце концов Семёну мало, но в это время он сам подъехал на лодке, вылез, протянул мне и мальчикам шершавую руку и сказал:

— Хорошие ребята, а понимают мало. Можно сказать, ничего не понимают. Вот и выходит, что нам, старым веникам, их обучать полагается. Верно я говорю? Садитесь в лодку. Поехали.

— Ну вот, видите, — сказал маленький мальчик, залезая в лодку. — Я же вам говорил!

Семён грёб редко, не торопясь, как всегда гребут бакенщики и перевозчики на всех наших реках. Такая гребля не мешает говорить, и Семён, старик многоречивый, тотчас завёл разговор.

— Ты только не думай, — сказал он мне, — они на меня не в обиде. Я им уже столько в голову вколотил — страсть! Как дерево пилить — тоже надо знать. Скажем, в какую сторону оно упадёт. Или как схорониться, чтобы комлем не убило. Теперь небось знаете?

— Знаем, дедушка, — сказал мальчик в кепке. — Спасибо.

птица — здешний лесной парикмахер, что она стрижёт хвою, щёлкает ножницами, сыплет эту хвою вниз, мне на голову, на реку, на костёр.

Я сушился и смотрел на реку. Жёлтые листья плыли островами, цеплялись за коряги, останавливались. Сзади наплывали новые груды листьев. Они запруживали реку, потом начинали медленно поворачиваться, вырываться из цепких лап коряг и наконец отрывались и уплывали, то разгораясь, как золото, когда попадали на солнце, то погасая и чернея, когда на них падала тень от кустов.

На реке со времени боёв с немцами остались брошенные переправы — плоты, заросшие кипреем и ольхой, и отдельные брёвна, застрявшие на мели. Они пенили вокруг себя воду.

Кусты около костра затрещали. Из них высунулась мокрая коровья морда. Корова понюхала воздух, шумно вздохнула и кивнула мне белой головой с чёрным пятном на лбу. Тотчас где-то рядом щёлкнул, как выстрел, кнут и кто-то крикнул:

— Куды, Параська! Куды залезла, чумовая?

Параська рванулась в сторону и, ломая кусты, исчезла. Из-за кустов вышел подпасок — обыкновенный подпасок, каких можно увидеть в каждой нашей деревне, — маленький, бело-волосый, в большом картузе, в рваном ватнике и с длинным кнутом. Он тащил кнут за собой по мокрой траве.

Подпасок потянул носом, вытер его свисавшим до земли рукавом, поглядел на меня и сказал сиплым голосом:

— Почтение! Роса прямо заливает. Сил никаких нету.

— Иди, сушишь! — предложил я.

— Это можно, — согласился подпасок, подошёл и присел на корточки около костра. — Вы что же, путешественник?

— Пожалуй, что путешественник, — ответил я.

— А я пастух, — сказал мальчик. — Алексей Кудышкин. Работаю вместо отца. Он на фронте. Я, правда, ловчился попасть в конюхи, да председатель не взял. Говорит, что недомерок,

— Алёшка! — закричал издали сердитый женский голос. — Куда ты подевался! Параська в капусту полезла.

— Здесь я! — закричал подпасок. — Сейчас выгоню.

Он встал, запахнул ватник.

— Вот вредная какая! — сказал он. — С целым стадом столько не намаешься, как с одной Параськой. Ну, прощайте.

Он побежал в кусты. Издалека послышались щёлканье кнута, крик: «Куды, дьявол!» — и недовольное мычание коровы.

Я погасил костёр и пошёл вниз по реке. С каждым шагом она казалась загадочнее и живописней. То по крутым берегам серой стеной стояло осиновое мелколесье и на отдельных осинах висел жёлтый хмель, будто кто-то развесил сушить на солнце новые рогожи. То дуплистая ива лежала поперёк реки, как мост, и около неё выскакивали из воды голавли. То река уходила торжественным поворотом в леса, золотые и синие от осени.

У берегов вода то струилась по перемытым пескам, то стояла глухими глубокими омутами. На краю омутов были неясно видны валявшиеся на дне морёные дубы. В одном месте открылся косогор, красный от клёнов, а в зарослях клёнов — старенькая часовня с заржавленным куполом.

На закате я вышел к просёлочной дороге. Она шла вдоль берега. Снова на реке появились заросшие травой плоты. Издали они казались островами. Солнце садилось, и на одном плоту что-то нестерпимо блестело. Я вглядывался, но никак не мог разобрать, что это блестит — консервная банка или осколок стекла.

Я осторожно перешёл на плот по перекинутому бревну, нагнулся и увидел обыкновенную пивную бутылку. Вьюнок несколько раз обвился вокруг её горлышка. Я поднял бутылку и посмотрел на свет. Она была запечатана воском. Внутри её что-то белело. Это было письмо, сложенное треугольником.

нельзя было выманить никакими силами. На все уговоры он только вилял хвостом и всё дальше отползал в темноту.

Потом к бабушкиному саду стали подходить немцы. Тогда пришёл глухой старик Семён и выкопал в саду, за сиренью, большую яму.

Семён копал, ругался на немцев, говорил Маше: «Чем глядеть, как я себе плюю на руки, яму копаю, ты бы пошла помогла бабушке сундук уложить. Закопаем его, запрягу я завтра Чалого — и поедem в Пролысово». — «А потом?» — спрашивала Маша. «За Пролысово немец не пойдёт, — отвечал Семён. — Там наши ребята стоят, дальше немцу пути не будет».

Семён окончил копать, пошёл к колодцу, вытащил ведро воды, хотел напиться, но почему-то раздумал, позвал бабушку Серафиму, показал ей на ведро и сказал: «Гляди! Значит, и впрямь пора уходить».

Бабушка посмотрела на воду и покачала головой. Вода из колодца всегда была чистая, как стекло, а сейчас в ней плавали гнилушки, древесная труха и даже маленький гриб. Маша ничего не поняла. Бабушка Серафима объяснила ей, что ночью земля тряслась и в воду со стенок колодца падало много всякого мусора. А раз земля тряслась — значит, где-то неподалёку шёл бой.

Вечером Семён закопал сундук с бабушкиными вещами: шалями, старым будильником, фотографиями, серебряными ложками и с самой любимой Машиной игрушкой — двумя большими деревянными петухами на дощечке. Один петух был чёрный, другой — красный, и оба они могли со стуком клевать зерно.

Наутро Семён приехал на Чалом, распряг его во дворе, привязал к телеге, пошёл в комнаты — попрощаться с домом.

Но попрощаться ему не пришлось.

Мимо дома густо пошли наши бойцы — все в касках, пыльные, загорелые, весёлые. Семён вынес к калитке ведро воды. Маша принесла кружку.

Содержание

Бакенщик 5

Подпасок 19

Бабушкин сад 37

